

Васильченко О. А.

O. A. Vasilchenko

**СОЦИАЛЬНО–КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.):
АККУЛЬТУРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

**SOCIAL AND CULTURAL PROCESSES IN THE FAR EAST OF THE RUSSIAN EMPIRE
(LATE XIX c. – EARLY XX c.): ACCULTURATION OF LOCAL POPULATIONS**

Васильченко Олег Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры «Социальная работа» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: SFknagtu@mail.ru.

Mr. Oleg A. Vasilchenko – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: SFknagtu@mail.ru

Аннотация. Проанализирована государственная политика, направленная на создание благоприятных условий для взаимовлияния культур жителей Дальнего Востока в экономической, духовной и политической сферах во второй половине XIX – начале XX вв. Рассмотрена деятельность РПЦ по распространению христианства как средства сближения пришлого и аборигенного населения. Охарактеризованы особенности протекания процессов аккультурации в области быта и хозяйственной деятельности жителей Дальневосточного региона Российской империи.

Summary. The paper deals with governmental policies directed towards the creation of favorable conditions for interaction of the cultures of the inhabitants of the Far East, in such areas as economy, religion and political activity, in the second half of XIX - beginning of XX cc. The role of the Russian Orthodox Church was studied in the process of evangelical preaching as a means of promoting closer contacts between the indigenous and alien populations. The process of acculturation as part of everyday life and economic activities of the different populations of the Far Eastern region of the Empire is described.

Ключевые слова: Дальний Восток, Российская империя, аккультурация, население, аборигены, культура, азиатские иммигранты.

Key words: the Far East, Russian Empire, acculturation, population, indigenous, culture, Asian immigrants.

УДК 316.35/356.2

Результатом переселений и иммиграции стало скопление на Дальнем Востоке Российской империи необыкновенно пестрого по этническому, религиозному и социальному составу населения. Здесь присутствовали представители разных рас (европеоидной и монголоидной), разных этносов (восточнославянских, азиатских, коренных народов), разной социальной принадлежности (крестьяне, казаки, купцы, духовенство, дворянство), разного вероисповедания (православные, буддисты, иудеи, католики и др.).

Преобладали приверженцы официального православия (русские, украинцы, белорусы).

Как социально-территориальная система Дальний Восток должен был представлять общность организации проживающего в его рамках населения. Другими словами, географическая и природно-климатическая однородности определяли общность условий хозяйст

Васильченко О. А.

СОЦИАЛЬНО–КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.): АККУЛЬТУРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

ния, на основе которой формировалась социально-пространственная организация культурной жизни проживающих в этом регионе людей.

Созданию общности организации населения способствовали взаимовлияние и взаимообогащение культур народов, населявших регион, то есть аккультурация [9, 315].

Основой влияния русских была более высокая по уровню материальная и духовная культура. Преимуществом аборигенов стал веками приспособленный к местным условиям уклад жизни.

Во взаимоотношениях русских и выходцев из азиатских стран последние имели преимущество – высокую культуру земледелия, несмотря на примитивные орудия труда, причем земледельческая культура была адаптированной к условиям российского Дальнего Востока.

Процессу аккультурации способствовала государственная политика в отношении аборигенного населения и азиатских иммигрантов. Среди административных мер, создавших благоприятные условия для взаимовлияния культур, можно выделить действия властей в экономической, духовной и политической сферах.

Вовлекая аборигенное население в хозяйственную жизнь региона, российские власти в первую очередь стремились сделать его оседлым. Кочевой образ жизни позволял сохранять обособленность народа и снижал возможности местной администрации влиять на его жизнедеятельность.

Оседлый образ жизни способствовал увеличению контактов коренных жителей и пришлого населения, особенно если учесть, что оседали аборигены вблизи русских поселений.

Еще одним шагом на пути аккультурации в экономической сфере стало применение более совершенных орудий (сетей, ружей, капканов и др.), в традиционных видах промысла коренных народов – рыболовстве, охоте.

Кроме того, приобщение к огородничеству, скотоводству, птицеводству и другим нетрадиционным видам труда привело к тому, что хозяйственная деятельность аборигенов и переселенцев были очень похожими.

Культурное взаимодействие народов значительно укрепилось на основе развивающейся торговли.

В духовной сфере аккультурации способствовали христианизация населения и его обучение, введение русского языка как основного средства общения.

Заметную роль в сближении пришлого и местного населения сыграла православная церковь. В первых рядах переселенцев находились миссионеры, занимавшиеся распространением православия среди аборигенов, большинство из которых не противились христианизации. Это объяснялось тем, что крещение местное население воспринимало как акт принятия российского подданства. Например, гольды крестились массами и с большой охотой. Иногда для крещения детей совершали путь за 100 верст на собаках и лодках [4, 57].

При крещении аборигены получали русские имена, крестики и образа. При этом суть христианской религии местные народы почти не восприняли. Только в миссионерских школах они получали отрывочные знания в области христианского вероучения.

Миссионерство активно поддерживалось местной администрацией. Например, в 1916 г. только в районе Благовещенской миссии имелось 16 миссионерских приходов.

Царские власти понимали, что наиболее действенным способом русификации семей аборигенов являлось воспитание их детей в российских миссионерских или министерских школах.

На Камчатке первые три школы для аборигенного населения были открыты еще в 1742 г. По поводу этого исследователь С.П. Крашенинников писал: «Заведены там и школы,

в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих. Таким образом, в короткое время много варварства без сомнения искоренится» [3, 373].

Аборигенное население, проживавшее вблизи русских поселений, испытывало потребность в изучении русского языка. Так, в 1876 году на Сахалине айньские старшины попросили открыть в их селении школу для изучения русского языка или разрешить им обучать своих детей в Корсаковской школе [7].

Согласно Уставу «О Сибирских инородцах» от 1822 года, действие которого было распространено на дальневосточных аборигенов, им предоставлялось право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать собственные школы [8, 135].

Целью обучения детей являлось улучшение их быта и распространение среди них знания русского языка.

Результатом распространения русского языка стало его преобладание среди оседлого аборигенного населения. Подобный факт приводит географ К. Дитмар, описывая оседлое население Камчатки: «По-камчадалски теперь говорят еще разве одни старые бабы, между тем как мужчины не понимают камчадалской речи, и все уже говорят по-русски» [1, 169].

В политической сфере важным условием аккультурации являлось мирное сосуществование коренных жителей с русскими казаками и крестьянами.

Взаимоотношения восточнославянских переселенцев и аборигенного населения характеризовал исследователь Приамурского края А.А. Кауфман: «Русские переселенцы не могут относиться так, как испанцы относились к ацтекам или инкам и как англичане до сих пор относятся к чернокожим обитателям» [2, 9].

Миролюбивые отношения переселенцев и аборигенного населения послужили основой для развития их дальнейшего взаимодействия в хозяйственной, бытовой и семейно-брачной сферах.

Аккультурации между восточнославянским населением и выходцами из азиатских стран также способствовала государственная политика, обусловившая их взаимодействия.

Иммигранты, ставшие русскоподданными, фактически приравнивались к переселенцам-крестьянам. Они получили землю и продолжили заниматься своей основной хозяйственной деятельностью – земледелием. В общении с русскими иммигранты (в основном корейцы) совершенствовали орудия земледелия, расширили круг земледельческих культур.

Укреплялись связи на основе торговли.

В духовной сфере контактам культур восточнославянского и азиатского народов также способствовало принятие последним православия и развитие образования.

По мере укрепления христианства в среде корейцев они строили на свои средства храмы и церкви. Примером может служить постройка церкви во имя святого князя Александра Невского в 1872 г. в селе Благословенном или часовни в селе Тизинхэ в 1900 г.

Крестившись, корейцы брали русские имена. Например, староста села Тизинхэ Петр Семенов до крещения звался Цуи Ун Кыги [6, 121].

В политической сфере царские власти осуществляли меры, направленные на русификацию выходцев из азиатских стран.

Руководство Приамурского генерал-губернаторства было обеспокоено медленным протеканием процесса русификации корейских иммигрантов. В 1892 г. оно предложило привлечь к несению воинской повинности русскоподданных корейцев. Реализовано это предложение было только в 1909 г. По мнению властей, воинская служба являлась лучшим средством для сближения и ассимиляции корейцев с русским народом.

Васильченко О. А.

**СОЦИАЛЬНО–КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.): АККУЛЬТУРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

Аккультурация носила двусторонний характер, то есть осуществлялось взаимное влияние культур. Поскольку европейская культура по уровню была значительно выше других, то ее влияние во взаимодействии становилось более ощутимым.

Проявлялось взаимовлияние в первую очередь в быту.

В результате торговли между коренными народами и восточнославянскими переселенцами в домах аборигенов появились русские товары и предметы домашнего обихода, что послужило причиной преобразования их быта.

Постепенно претерпевали изменения обувь и одежда коренного населения. Так, В. Маргаритов, совершивший путешествие по северу Приамурского края, писал: «Относительно одежды и обуви можно сказать, впрочем, что все летнее ближе к покрою русскому, а все зимнее – к инородческому» [5, 124].

Среди оседлого коренного населения получили распространение жилища русского типа. В Приамурье, например, в стойбищах Туйди, Алаякса и Алян аборигены жили в избах русского типа, имели русскую обстановку и использовали в быту швейные машинки, самовары и европейскую мебель.

Примерно те же изменения в материальной культуре наблюдались во взаимодействии русских с корейцами. Молодые корейцы носили русскую одежду, стриглись по-русски и строили в качестве жилищ русские избы.

Как отмечалось, российские переселенцы переняли зимнюю одежду аборигенов из-за ее практичности. Так, ими использовались меховые «кухлянки» и «парки» (балахоны с капюшонами), изготовленные из оленьих шкур, а также «торбаза» (сапоги с мягкой подошвой, сделанные также из оленьей шкуры).

На Камчатке русские жили в избах, а летом перебирались в рыбные балаганы, конструкция которых была позаимствована у местных аборигенов.

Русские переняли у корейцев способ возделывания огородных культур на грядках.

Процесс взаимной аккультурации также наблюдался и в Забайкальской области. Примером этому является глубокое проникновение в быт русского населения элементов культуры коренных жителей. Пищевой рацион восточнославянских семей пополнили бурятские блюда: сваренная с жиром баранья кровь, мерзлая сырая рыба. В домашнем быту получили широкое распространение бурятские шубы, халаты и конская сбруя.

Среди русских семей стал распространенным бурятский язык, иногда он даже преобладал в повседневном общении части казачьего и крестьянского населения Забайкальской области.

Следует отметить, что на Дальнем Востоке в приграничных районах наблюдалось острое соперничество китайской и славянской культуры в борьбе за влияние на аборигенное население.

Влияние китайцев было направлено в первую очередь на закабаление аборигенных семей. Многочисленные факты обмана и грабежа местного населения со стороны китайцев заставляли их искать защиту у российских властей, которые по мере сил и возможностей старались навести порядок. Постепенно произвол китайских купцов был ограничен, вооруженные шайки китайских бандитов – хунхузов разгромлены.

К отрицательным последствиям воздействия китайцев и русских на аборигенное население следует отнести повсеместное спаивание коренного населения. Кроме того, китайцы научили аборигенов курению опиума, т.е. наркомании.

Таким образом, характеризуя процессы аккультурации населения российского Дальнего Востока в период его колонизации, необходимо отметить:

1) В регионе осуществлялось формирование культурного пространства, в котором складывалась общая система ценностей, и происходил отбор тех явлений культуры, которые сближали семьи разных этносов. Съехавшиеся на одну территорию (российский Дальний Восток) многочисленные этнические группы вначале консолидировали свои культуры. Затем на основе этой консолидации осуществлялся отбор явлений, носящих общий характер. Локальные этнические варианты традиций не исчезли совсем. Они могли повториться на новом месте. Однако отрыв от материнской родины препятствовал этому воспроизведению.

2) На дальневосточной территории процессы аккультурации осуществлялись ускоренными темпами. Дальний Восток был зоной первичного освоения, поэтому создаваемое единое хозяйственное пространство вовлекало все слои населения в свою сферу. Единение хозяйственной деятельности усиливало контакты и в семейно-брачных отношениях.

3) Государственная политика заселения и освоения региона, обусловленная не столько экономическими, но и политическими соображениями, способствовала укреплению межэтнических связей и превращению восточнославянских переселенцев, коренных народов и азиатских иммигрантов в дальневосточное население.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дитмар, К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851 – 1855 гг. Карла фон Дитмара. Исторический отчет по путевым дневникам / К. Дитмар. – СПб., 1901. – Ч. I. – 289 с.
2. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – СПб., 1905. – 189 с.
3. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки / С. П. Крашенинников. – М., 1949. – 673 с.
4. Лопатин, И. А. Гольды. Амурские, Уссурийские и Сунгарийские / И. А. Лопатин. – Владивосток, 1922. – 257 с.
5. Маргаритов, В. Камчатка и ее обитатели / В. Маргаритов. – Хабаровск, 1899. – Т. V. – Вып. I. – 224 с.
6. Пржевальский, Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. / Н. М. Пржевальский. – Владивосток, 1949. – 321 с.
7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 500. – Л. 53.
8. Солярский, В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края / В. В. Солярский. – Хабаровск, 1916. – 235 с.
9. Социологический энциклопедический словарь на русском, немецком, французском и чешском языках. – М., 1998. – 385 с.